

Наша учительница по русскому языку Лидия Ивановна задала на лето написать сочинение о своих близких, которые принимали участие в Великой Отечественной войне.

Когда мы приехали к бабушке в деревню Кунашак, родители с гостинцами направились на кухню. Бабушка хлопотала у печки. На улице поставили начищенный до блеска самовар, наполнили его пузатое нутро колодезной водой. Самовар запыхтел. От дыма защипало в носу и глазах, и я побежала в дом. В большой комнате с тремя окнами всё казалось обычным: деревянный шкаф, за стеклом которого в синей вазе всегда лежали шоколадные конфеты; большая кровать с серебристыми шарами и пышными подушками; стол за которым бабушка Шайхетдин читал молитвы.

На столе лежала красивая ткань, уже прошитая бабушкой на машинке «Зингер». «Видно, для намаза», – подумала я. С правой стороны лежали самодельные чётки и пожелтевшая от солнца книжка, в которой были написаны непонятные мне буквы. Только потом я узнала, что мой дед самостоятельно изучал арабский язык и подписал свою ставил на арабском, чем очень гордился!

Иногда мне казалась, что эта комната была похожа на штаб. В ней решались вопросы от покоса до постройки дома сыновьям, покупки велосипеда внукам, обсуждали, когда провести аят; здесь рассказывали сказки.

В этой комнате я в первый раз увидела, как бабушка, с несколькими веточками в руках, сказала моему отцу, что отшлёпает его по спине за то, что его дети не говорят на родном языке...

Часам к десяти солнце пробивало светом всю комнату: она казалась, жёлтой, и можно было увидеть пылинки, которые кружились, как в калейдоскопе. А на двух окнах, среди белоснежных занавесок с вышивкой ришелье, скакали вырезанные из газеты необычные лошадки – это бабушка Шайхетдин вырезал ножницами лошадок для внуков.

Под подоконником валялась забытая кем-то бумажная гармошка. Гармошку из бумаги я любила и называла «помотайка» – за то, что можно было увидеть, как играют её разноцветные меха, покрашенные карандашами. Картайка любил своих внуков и занимал их милыми игрушками, которые делал сам.

Кое-как объяснив бабушке, что мне нужны тряпка и ведро (а наша картнайка совсем не знала русский язык), я думала, как бабушку вызвать на беседу о войне... Внукам дед о ней никогда не рассказывал...

О, как я завидовала своим двоюродным сестричкам, которые легко лопотали на татарском языке, словно бубенчики на дуге над Орликом, любимым конём бабушки!

Бабушка знал много легенд и сказок на своём языке. Это были сказки про Урал-батыра с саблей, Убыр-корсак (Бабу-ягу), Эдем Исы – про русский дух... Мы заворожённо слушали эти сказки...

Помыв везде полы, я решила, что расспрошу о войне у деда после намаза. Молитва его успокаивала, иногда мурлыкал под нос баит (затяжную песню), иногда подшучивал над бабушкой или мной...

Бабушка почему-то не могла принять моё имя «Света», называла меня «шайтан баласы» – дитя чёрта, «кофыр» – иноверец, и с её «лёгкой руки» все стали называть меня Эсвит.

Однажды картай мне сказал со всей серьёзностью:

– Син – не Эсвит!

– А кто? – оторопела я.

Бабушка улыбалась, сидя на лавочке, и глядела куда-то вдаль. Ткнув в моё плечо крючковатым пальцем, картай добавил:

– Син – эс пыт!

И они с бабушкой весело засмеялись. В переводе это звучало так: «Ты – три вши!»

Закончился намаз. Напевные звуки бабушкиной молитвы всё ещё звучали в ушах. Я подошла к деду и, дёрнув полу его рубахи, неожиданно для себя спросила:

– Дедушка, а что самое страшное на войне?

Он развернулся ко мне, будто ждал вопроса. Внимательно посмотрел, немного подумал и спокойно сказал:

– Глаза!

– Чьи глаза? – удивлённо спросила я.

– Глаза убитого немца!

В этот вечер дед был молчалив и не шутил со мной. Его серые глаза казались влажными. А шершавые руки, привыкшие к труду, гладили бёдра: опять после покоса открылся свищ. Дед прикрыл глаза. «Пулевое ранение бёдер», – откуда-то услышал он голос медсестры. А мысли уже несли туда, где была война...

Во время первой штыковой атаки увидел, что командира смертельно ранил здоровяк-немец. Ударив прикладом со всей силы напавшего врага, решительно набросился на другого – на того, кто убил командира. Немец был крупным. Ловко увернувшись от удара, дед навалился на фрица и убил его...

После атаки была небольшая передышка. Осенние тучи нёс ветер. Солнца на небе не было. Уткнувшись в пыльные, сухие ладони, он впервые заплакал: «Это я, простой крестьянин, своими руками... я убил... человека!»

Немного успокоившись, тихонько, на ломаном русском, дед произнёс:

– Нимис, я тебя сюда звал? Нет! Зачем ты ко мне приходил? Сидел бы дома!

Примечания:

Аят – молитва из Корана. Аят проводят по различным поводам: наречение имени ребёнку, поминание усопших, за здоровье и благополучие.

Баит – эпический и лиро-эпический жанр татарской и башкирской поэзии.

Картайка – бабушка.

Картнайка – бабушка.